
АНТИЧНЫЙ МИР

МОДИЙ И «ЦВЕТОЧНАЯ КОРОНА» В ИКОНОГРАФИИ ЦАРСТВЕННЫХ ЖЕНЩИН ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ*

В.А. Большаков

Кафедра истории и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

На материале различных изобразительных источников в статье рассматривается типология корон египетских царственных женщин эпохи Нового царства (XVIII–XX династии) – так называемых «модия» и «цветочной короны» – и предлагается интерпретация их символического значения.

Ключевые слова: иконография, модий, корона-платформа, символика корон, Новое царство.

Изобразительные источники эпохи Нового царства свидетельствуют о существовании в иконографии царственных женщин и некоторых божеств особой короны, за неимением обозначающего ее египетского термина собирательно называемой в египтологической литературе modius-ом, kalathos-ом (1), короной-платформой или плоской короной. Обыкновенно между этими понятиями авторами не делается специального различия, хотя пристальное изучение иконографии супруг, матерей и дочерей царей времен XVIII–XX династий все же позволяет говорить об определенной вариативности: собственно модии (высоком и низком) и короне, условно называемой короной-платформой, имеющей на двухмерных изображениях вид высокого или низкого прямоугольника.

* Статья основана на докладе, сделанном на круглом столе «Язык(и) древнеегипетской культуры: проблемы переводимости».

Основным критерием для такой классификации, в ряде случаев носящей относительный характер, мы считаем форму, пропорции обоих типов головных уборов (обычно модий выше короны-платформы) и наличие (или отсутствие) на них декора.

Конкретное значение модия и короны-платформы, считающихся отличительными атрибутами высокопоставленного положения, до сих пор неясно (2).

По предположению С. Олдред, модий служил открытым вместилищем (подставкой?) для ароматических конусов (3), что, по меньшей мере, подтверждают несколько известных автору примеров: это – изображения Тии, супруги царедворца Эйе из его амарнской гробницы (4), статуэтка дамы Тутти (5) и изображения царицы Анхесенамон на маленьком золотом ковчеге из гробницы Тутанхамона (6) (рис. 1–2).

Но применительно к царственным женщинам указанные головные уборы главным образом рассматриваются в качестве функционального элемента, служащего конструктивной основой для двух высоких стилизованных перьев сокола-*shuty* или более сложной композиции.

Рис. 1

Рис. 2

Так, Л. Кухман-Саббахи, не делающая различия между модием и короной-платформой, пишет: «По-видимому, в начале модий был чисто функциональным, нежели символическим элементом короны; он служил наподобие толстой плоской площадки, к которой могли быть прикреплены перья. Позднее, в Новое царство он становится самостоятельной короной, часто украшенной двойным уреем или венчиком из уреев» (7).

Действительно, необходимо отметить, что и корона-платформа, и модий нередко являются самостоятельными элементами, что подтверждается изображениями царственных женщин эпохи Нового царства, носящих оба типа головных убора в качестве своеобразной короны, надетой поверх парика.

Что касается материала, из которого был сделан модий и корона-платформа, то, принимая во внимание их функцию основы для других элементов, следует заключить, что подлинные экземпляры, скорее всего, изготавливались из металла. В связи с этим становится возможным объяснить выделение модия и короны-платформы на росписях и полихромных рельефах красным (реже желтым) цветом, использовавшимся в соответствии с художественными конвенциями египетского искусства для обозначения металлических предметов (например, из меди, бронзы [желтый цвет – для золота]) (8).

О том, была ли верхняя часть короны-платформы и модия открытой как у диадемы или закрытой, по изобразительным памятникам заключить за-

труднительно, поэтому мы не исключаем существование обоих вариантов. Например, корона-платформа, венчающая скульптурную голову сокола из Иераконполя, выполнена в виде открытой диадемы с прикрепленными сверху стилизованными перьями (*shuty*) (9).

Особая корона цилиндрической формы, которую можно назвать как модием, так и короной-платформой, впервые зафиксирована на оттиске печати II династии с изображением анонимной богини (10). В иконографии царственных женщин эпохи Древнего и Среднего царств головной убор такого типа не встречается, появившись как основа для перьев-*shuty* только при XIII династии: наиболее ранний пример встречается на рельефных изображениях матери и жены царя Себекхотепа III – Иуахетибу и Сенебхенас (скальная стела близ Наг Хаммади (11), и стела из Абидоса (12)). Двухмерные изображения так называемой короны-платформы, имеющей форму прямоугольника, относятся к началу XVIII династии: например, у царицы Яхмос-Нефертари на знаменитой «Стеле Дарения» Яхмоса I из Карнака (13), причем эта корона дополнена фронтальным уреем, прикрепленным к ее нижней части. Позднее аналогичный головной убор встречается у Хатшепсут, изображенной на ряде памятников в статусе жены царя (14), у ее дочери Нефрура (15) (рис. 3) и у дочерей Тутмоса III (16).

Рис. 3

В круглой скульптуре начала XVII-XVIII династий объемные изображения короны-платформы, аналогичные представленным на указанных рельефах, весьма немногочисленны: так, корона-платформа венчает антропoidный саркофаг царицы Яххотеп II (17) и статую Исет I, матери Тутмоса III (18). Более поздним вариантом короны-платформы, декорированной двумя уреями и картушем, мы также склонны считать венец, украшающий скульптурный «портрет» царицы Тии из Серабит-эль-Хадима (19).

Почти одновременно с низкой короной-платформой в иконографии царственных женщин появляется и так называемый модий, тулово которого на ранних изображениях имеет некоторое сходство с короной Амона и Нейт. Напомним, что оба типа головных убора (корона-платформа и модий) имеются на вышеупомянутых изображениях цариц Иуахетибу и Сенебхенас. По-видимому, первым известным типом модия с фризом из уреев следует рассматривать корону царицы Яхмос-Нефертари, изображенной на росписи в гробнице Тетики в Дра Абу эль-Нага (20).

Однако до времени царствования Аменхотепа III на модиях богинь и царственных женщин подобный мотив больше не встречается. Во всяком случае, декор в виде венца, состоящего из сплошного ряда угрожающе поднявшихся уреев (в круглой скульптуре выполненных по всей поверхности или в высоком

рельефе en face, или в низком рельефе в профиль), модий приобретает только со времени Аменхотепа III (21).

Рис. 4

На рельефах такой тип модия засвидетельствован у Ти, великой супруги этого царя (22) (рис. 4). Правда, в скульптуре царственных женщин в основном представлены другие варианты модия, значительно различающиеся как по форме, так и по пропорциям: приземистый несколько расширяющийся кверху модий с гладким туловом (23), высокий модий цилиндрической формы, украшенный или схематическими вертикальными линиями (24), или уреями в профиль и картушами, выгравированными в низком рельефе (25).

В Амарнский и постамарнский период модий, имеющий фриз из уреев (как в скульптуре, так и на рельефах), прочно входит в иконографию царственных женщин, будучи элементом сложносоставной короны и Нефертити (26), и Анхесенамон (27) и позднее представительниц царского дома Рамессидов. Так, данный тип модия встречается в скульптуре царственных женщин Рамсеса II: например, на статуях его дочерей-супруг – Меритамон в Ахмиме (in situ) и так называемой «белой царицы» из Рамессеума (28) (рис. 5).

Рис. 5

Интересно также отметить, что в иконографии цариц и богинь времени XIX-XX династий фриз из уреев может быть как декором самого модия, так и самостоятельным композиционным элементом, в свою очередь помещенным на низкую корону-платформу:

Рис. 6

в качестве примера укажем на рельеф в гробнице царицы Исет, супруги Рамсеса III (QV 51) (29) (рис. 6). Как нам представляется, в появлении в иконографии богинь эпохи Рамессидов (30) и в Позднее время разнообразных атрибутов царственности, в том числе модия с фризом из уреев, скорее всего, следует видеть обратное влияние иконографии супруги и матери царя.

Другой головной убор, имеющий вид стилизованных цветов лотоса или папируса, закрепленных на низкой базе, условно называемый «цветочной короной», появился в иконографии царственных женщин почти одновременно с типом модия, деко-

рированным фризом из уреев, – то есть на рубеже правления Тутмоса IV/Аменхотепа III. Например, «цветочная корона» засвидетельствована на изображениях старшей дочери царя Сатамон на спинках тронов из гробницы родителей царицы Ти (31) (рис. 7).

Разновидности «цветочной короны» неоднократно встречаются и в изображениях цариц XIX–XX династий: так, дочь и супруга Рамсеса II Небеттауи показана в чепце в виде грифа (*ne-ret*), который венчает модий с уреем и прикрепленными к нему стилизованными цветами (QV 60) (32) (рис. 8). Похожий головной убор, отличающийся лишь в деталях (модий не имеет фриза из уреев, а стебли цветов перехвачены лентой), носят дочери (дамы «гарема»?) Рамсеса III, показанные в сценах во внутренних покоях башни-мигдола в Мединет-Абу (33).

Рис. 7

Рис. 8

Практически в такой же «цветочной короне», как у Небеттауи и царевен (разница состоит в том, что цветы закреплены на платформе), изображена супруга Рамсеса III Исет (QV 51) (34) и супруга Рамсеса IV Дуатен-типет (QV 74) (35). По всей видимости, подлинные образцы «цветочной короны», послужившие прототипом для перечисленных изображений, представляли собой варианты золотой диадемы, хранящейся в Нью-Йоркском Бруклинском музее (36).

Итак, сделав краткий обзор наиболее характерных примеров изображений царственных женщин в короне-платформе, модии и «цветочной короне», мы попытаемся ответить на вопрос о том, несли ли эти головные уборы какую-либо смысловую нагрузку или были всего лишь конструктивными элементами, служившими базой для более сложных комбинаций и украшенными распространенными в египетском искусстве мотивами?

Различия в пропорциях, форме и декоре экземпляров корон-платформ и модиев (к тому же не имеющих устойчивого типологического единства на протяжении рассматриваемой эпохи) и отсутствие их египетских наименований делают эту задачу достаточно сложной.

Поскольку конструктивно «цветочная корона» состоит из цветов, прикрепленных к короне-платформе или к низкому модию, то при анализе вероятного символического значения этих головных уборов мы считаем возможным рассматривать «цветочную корону» как разновидность последних. Как нам представляется, в пользу подобного обобщения свидетельствует один объединяющий признак – растительный мотив, присутствующий на ряде экземпляров указанных головных уборов.

Тем не менее вероятное символическое значение короны-платформы, модия и «цветочной короны» может быть истолковано с большей или меньшей степенью правдоподобности только на основании косвенных данных. Принимая точку зрения о том, что супруга и мать царя были наделены атрибутами и инсигниями, предназначенными выразить сущностное родство или идентификацию с их божественными прообразами, мы считаем, что отдельные элементы иконографии царственных женщин, в том числе и их головные уборы, должны были иметь (и, скорее всего, имели) особый символический характер.

Заманчиво допустить, что схематичные вертикальные линии, нередко нанесенные на тулово (или на плоскость в двухмерных изображениях) короны-платформы и модия, воспроизводят не только материал (как в архаизированных изображениях нижнеегипетской короны, сделанной из тростника (37)), но также являются имитацией зарослей папируса (38).

На первый взгляд, данная интерпретация выглядит произвольной, однако, по нашему мнению, в ее пользу свидетельствуют, по меньшей мере, два известных автору примера: в первом случае это статуя царицы Исет I, позолоченная корона-платформа которой декорирована стилизованными стеблями и цветами папируса (39); во втором – это парный портрет царевны Сатамон, тулово модия которой по всей поверхности также украшено орнаментом в виде плотных рядов папируса (40).

Таким образом, частые вертикальные линии на внешней поверхности некоторых экземпляров модия и короны-платформы, возможно, имитировавшие плетение из тростника, могли также обозначать густые нильские заросли. С последними же в египетской мифологии прочно ассоциировалось тайное убежище младенца бога Хора в нижнеегипетском Хеммисе (41), где, согласно «Текстам Пирамид» (изречения 519, 1214, b–c; 609, 1703 c; 701, 2190 a) и «Текстам Саркофагов» (IV, 286, 37 f–h, n) (42), Исида его родила и прятала.

В «Книге мертвых» (гл. 157) тайное «гнездо» младенца Хора также ассоциируется с топами Дельты (*idehu*) (43). Густые заросли Хеммиса, служившие убежищем Хора, создавали своего рода защитный занавес, делавший младенца невидимым для Сетха и его слуг. Согласно позднегипетским источникам (44) с Исидой-защитницей Хора отождествлялась и Уаджит (45). Прекрасной иллюстрацией функции Уаджит в качестве защитницы Хора в Хеммисе могут служить поздние изображения из маммизи на о. Филе (46) и фрагмент миниатюрной стелы из ГМИИ им. А.С. Пушкина (47) (рис. 9). Поскольку заросли папируса, произрастающего в воде, традиционно

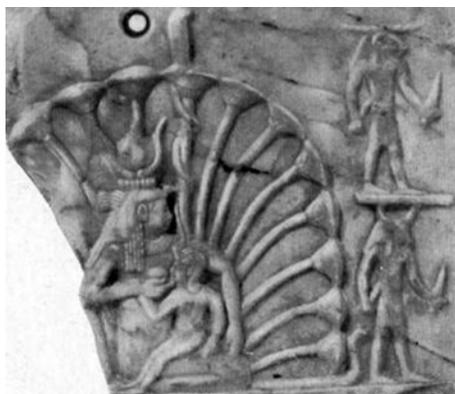

Рис. 9

считались египтянами местом обитания богини-змеи (обратим внимание на смысловую игру слов в египетском языке – *uadj* («папирус») и *Uadjyt* («Зеленая» (48)), не следует ли видеть в урее на короне-платформе цариц начала XVIII династии воплощение богини Уаджит, а в декоре тулова модия и «цветочной короне» символ зарослей папируса?

Попутно небезынтересно отметить внешнее сходство иероглифического знака «куст папируса» (знак М 16 по списку А. Гардинера) (49) с «цветочными коронами» царевны Сатамон и дароносительниц на рельефах трона из гробницы Иуйи и Туйи (50).

Присутствие «цветочной короны» в изображениях девушек и женщин, не принадлежавших непосредственно к семье царя (см., например, изображения служанок на троне из гробницы родителей царицы Ти (51), девушек *khekerut-nisut* («украшений царя») из гробницы Менны (52) (рис. 10), дочерей Небамона и Паири, тоже титулованных *khekerut-nisut* (53), танцовщиц на рельефе из Бруклинского музея (54)), может объясняться как их статусом и культово-церемониальным характером проводимых действий (55), так и тем, что растительный мотив головных уборов в самом широком смысле мог символизировать красоту и обновление (56).

Рис. 10

По мнению К. Дерош-Ноблькур, обладательницами данного головного убора были царевны из «гарема», являвшиеся потенциальными побочными женами царя (57), а «цветочная корона» служила одним из их отличительных признаков (58). Как мы полагаем, убедительное подтверждение этой точки зрения обнаруживается на одной из сцен в гробнице Херуефа, показывающей анонимных дочерей царя (*mesu nisut*) (59) в «цветочной короне» такого же типа, как у *khekerut nisut*, изображенных в гробнице Менны.

Стоит, впрочем, отметить важную деталь: модий знатных дам (дочерей Менны и дочерей Набамона) и царевен, к которому прикреплены сами цветы, не имеет фриза из уреев, по всей видимости, характерного только для головного убора великой супруги царя и божеств. Рискнем также предположить, что «цветочная корона», ставшая ко времени Рамессидов скорее атрибутом царевен и супруг царя, чем знатных дам вообще, могла приобрести иные смысловые нюансы, чем типологически близкие ей экземпляры головных уборов знатных дам и царевен времен XVIII династии.

Что касается символического значения модия, декорированного в виде фриза из уреев, то мы предлагаем следующую возможную интерпретацию: сплошной ряд уреев (особенно увенчанных солнечными дисками), охваты-

вающий по всей окружности модий супруги царя, мы склоняемся рассматривать как множественное изображение богини-дочери солнечного бога Атума-Ра, его Ока, воплощением которого, как известно, была кобра.

Учитывая амбивалентный характер богини-кобры, выступавшей в зависимости от контекста как Уаджит или как Хатхор-Тэфнут (60), змеиный мотив в декоре модия, скорее всего, имел солярные коннотации. Появление же фриза из уреев в иконографии супруги царя при Аменхотепе III (61) было закономерным явлением, обусловленным расцветом в его правление солярной идеологии: хорошо известен тот факт, что Аменхотеп III официально почитался земным воплощением солнечного бога, тогда как его великая супруга Тии выступала в роли земного олицетворения богинь-спутниц Ра – Хатхор, Тэфнут, Мут, Сехмет, Маат.

Таким образом, если наша интерпретация элементов рассмотренных типов модия и короны-платформы верна, то есть основания видеть в декоре этих головных уборов изобразительный намек на богинь-защитниц царской власти, с которыми в эпоху Нового царства отождествлялась царская супруга. Итак, как мы предполагаем, посредством символики данных головных уборов проводились смысловые параллели между великой супругой царя и богинями, выступавшими в зависимости от религиозно-мифологического контекста в роли матери, дочери или супруги бога, и, кроме того, в роли его защитницы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Strauss C.* Kronen // *Lexikon der Ägyptologie*. – Bd III. – Wiesbaden, 1980. – S. 815.
- (2) *Green L.* Queens and Princesses of the Amarna Period: The Social, Political and Cultic Role of the Women of the Royal Family at the End of the Eighteenth Dynasty. University of Toronto. PhD Dissertation. – Toronto, 1988. – P. 62.
- (3) *Aldred C.* Jewels of the Pharaohs: Egyptian Jewellery of the Dynastic Period. – N.Y., 1971. – Fig. 60.
- (4) Блок из гробницы Эйе. Египетский музей. Каир (JE 1011261, Le Règne du Soleil. Akhnaton et Néfertiti. Cat. Ex. – Bruxelles, 1975. – P. 86. – Cat. 24). См. также: *Davies N. de G.* The Rock Tombs of El Amarna. Part VI. Tombs of Parennefer, Tutu, and Ay. – Lnd., 1908. – Pls. I, XXIX, XXXVIII–XXXIX.
- (5) Бруклинский музей. Нью-Йорк (57187, *Ziegler C.* (ed.) Queens of Egypt. From Hetepheres to Cleopatra. – Monaco, 2008. – P. 77, 269. – Cat. 73).
- (6) *Eaton-Krauss M., Graefe E.* The Little Golden Shrine from the Tomb of Tutankhamun. – Oxford, 1985. – P. 10–12, 16–17, 20–22. – Pls. VIII–IX, XVII, XIX. См. также изображение на крышке ларца (n 540 + 551) из гробницы Тутанхамона. – *Reeves N.* The Complete Tutankhamun. The King. The Tomb. The Royal Treasure. – Lnd.–N.Y., 1995. – P. 6.
- (7) *Kuchman Sabbahy L.* The Development of the Titulary and Iconography of the Ancient Egyptian Queen from Dynasty One to Early Dynasty Eighteen. University of Toronto. PhD Thesis. – Toronto, 1982. – P. 331.
- (8) *Wilkinson R.H.* Symbol and Magic in Egyptian Art. – Lnd., 1999. – 2 ed. – P. 104–125.
- (9) В настоящее время установлено, что корона была добавлена к голове сокола (предположительно VI династия) позднее, и, скорее всего, относится ко времени

- XVIII династии. Египетский музей. Каир (JE 32158, *Stierlin H.* L'Or des Pharaons. – P., 1993. – P. 83).
- (10) Оттиск печати царя Нинечера. – *Troy L.* Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History. – Uppsala, 1986. – P. 121; *Kaplony P.* Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit. – Band III. – Wiesbaden, 1963. – Pl. 125, no 747.
- (11) *Macadam M.F.L.* A Royal Family of the Thirteenth Dynasty // JEA. – 1951. – № 37. – Pl. VI.
- (12) *Ayrton E.R., Currelly C.T., Weigall A.E.P., Gardiner A.H.* Abydos. Part III. – Lnd., 1904. – Pl. XIII.
- (13) Карнак (Karnak magazine). – *Harary I.* Nature de la stèle de donation de fonction du roi Ahmosis à la reine Ahmès-Nefertari // ASAE. – 1959. – № 56. – Pls. I–II.
- (14) См. рельефы из святилища *netery menu* в Карнаке. – *Gabolde L.* Monuments décorés en bas relief aux noms de Thoutmosis II et Hatchepsout à Karnak. – Le Caire, 2005. – Т. II. – Pls. IV–IV*, XIII–XIII*.
- (15) Рельефы из святилища *netery menu* в Карнаке. – *Gabolde L.* Monuments décorés en bas relief aux noms de Thoutmosis II et Hatchepsout à Karnak. – Т. II. – Pls. XI–XI, XLI–XLI, XLI–XLI, XLII–XLII. Отметим, что на рельефе в главном святилище храма Дейр-эль-Бахри корона-платформа царевны сохранила следы раскраски в красный цвет. – *Cwiek A.* Red, yellow and pink. Ideology of skin hues at Deir el-Bahari // Fontes Archaeologici Posnanienses. – Posnan, 2007. – Vol. 43. – P. 36. – Fig. 6.
- (16) Рельефы скального святилища Хатхор в Дейр-эль-Бахри. На коронах-платформах царевен урей, впрочем, отсутствует. – *Naville E.* The XIth Dynasty Temple of Deir El-Bahari. – Lnd., 1907. – P. I. – Pl. XXVIII. – Figs. A-B.
- (17) Египетский музей. Каир (JE 26207, *Leblanc C.* Les Reines du Nil au Nouvel Empire. – P., 2009. – P. 36. – Fig. 44).
- (18) Египетский музей. Каир (JE 37417=CG 42072, *Saleh M., Sourouzian H.* Das Ägyptische Museum Kairo. Offizieller Katalog. – Mainz, 1986. – Kat. 137).
- (19) Египетский музей. Каир (JE 38257, *Wiese A., Brodbeck A. (eds.)*. Toutankhamon. L'or de l'au-delà. Trésors funéraires de la vallée des rois. – P., 2004. – P. 176–177. – Cat. 24).
- (20) *Davies N. de G.* The Tomb of Tetaky at Thebes (№ 15) // JEA. – 1925. – № 11. – Pl. II.
- (21) В частности, это – модий статуи богини Сехмет, находящейся *in situ* в храме Мут в Карнаке. – *Aménophis III. Le Pharaon-Soleil.* – P., 1993. – P. 179. – Fig. VII. 1.
- (22) The Tomb of Kheruef. The Theban Tomb 192. – Vol. 192. – Chicago, 1980. – Pls. 25–26, 56–57. Фрагмент рельефа из ТТ 47 (гробница Усерхета). Королевские музеи Искусства и Истории (E 2157, *Aménophis III. Le Pharaon-Soleil.* – P. 255. – Cat. 56).
- (23) Например, голова статуи из Музея Изящных Искусств в Бостоне (21. 2802) и голова статуи из частного английского собрания. – *Aménophis III. Le Pharaon-Soleil.* – P. 140–141. – Cat. 13. – P. 145–147. – Cat. 15).
- (24) Фрагмент луврской группы (2312, E 25493, *Aménophis III. Le Pharaon-Soleil.* – P. 164–165. – Cat. 22).
- (25) См. статую Тии, найденную в 2006 г. в храме Мут в Карнаке. Египетский музей. Каир (JE 99821, *Ziegler C. (ed.)* Queens of Egypt. – P. 186–187, 346. – Cat. 181); скульптурные изображения Тии и Мутемуйи у ног колоссов Мемнона и статуарную группу из Мединет-Абу, находящуюся в атриуме Египетского музея в Каире (JE 33906, *Aménophis III. Le Pharaon-Soleil.* – P. 35).
- (26) *Davies N. de G.* The Rock Tombs of El Amarna. Part II. – The Tombs of Panehesy and Meruya II. – Lnd., 1905. – Pl. VIII. *Talatat* из Карнака. Собрание Дж.А. Джозефсона. Нью-Йорк. – *Freed R.E., Markowitz Y.J., D'Auria S.H.* Pharaohs of the Sun. Ак-

- henaten. Nefertiti. Tutankhamen. – Boston, 1999. – P. 115, 211. – Cat. 27; *Arnold D., Pirelli R.* Les Reines de L'Égypte Ancienne. – Vercelli-Paris, 2008. – P. 195.
- (27) Например, см. изображения Анхесенамон на спинке золотого трона, на ларце (n. 540 + 551) и на золотом ковчеге из гробницы Тутанхамона. – *Arnold D., Pirelli R.* Les Reines de L'Égypte Ancienne. – P. 198–205; *Graefe E., Krauss M.* The Small Golden Shrine. – Pls VIII–XII.
- (28) Египетский музей. Каир (JE 31413, *Schmidt H.C., Willettner J.* Nefertari Gemahlin Ramses' II. – Mainz, 1994. – S. 31).
- (29) *Leblanc C.* Ta Set Neferou. Une nécropole de Thèbes-Ouest et son histoire. – Vol. I. – Le Caire, 1989. – Pls. CVIII, CX–CXI.
- (30) См.: *Calverley A.M.* The Temple of King Sethos I at Abydos. – Vol. I–IV. – Lnd.–Chicago, 1933–1958. – Vol. I. – Pls. 18, 20, 22–23. – Vol. III. – Pls. 31, 40, 43, 45–46. – Vol. IV. – Pls. 1, 20, 23, 26, 77. – Fig. E; Medinet Habu VII. The Temple Proper. Part I. – Chicago, 1957. – Pl. 295.
- (31) Египетский музей. Каир (JE 95342, CG 51113, *Wiese A., Brodbeck A* (eds.) Toutankhamon. L'or de l'au-delà. – P. 197, 199. – Cat. 33; *Hawass Z.* The Lost Tombs. Life in Paradise. – Lnd., 2009. – P. 236. См. также: *Davies T.M., Maspero G., Newberry P.E.* The Tomb of Iouiya and Touiyou. – Lnd., 1907. – P. 38. – Fig.1. – P. 42. – Fig. 4).
- (32) В настоящее время практически полностью утраченное изображение сохранилось на копии, сделанной Приссом д'Авенном. – *Prisse d'Avenne E.* Atlas de l'histoire de l'art égyptien. – Le Caire, 1991. – Pl. II. 66. См. также: *Leblanc C.* Nefertari. «L'aimée-de-Mout». Épouses, filles et fils de Ramsès II. – Monaco, 1999. – P. 232. – Fig. 64.
- (33) Medinet Habu VIII. The Eastern High Gate. – Chicago, 1970. – Pls. 630, 636, 639, 646, 649–650, 652, 654–655, 657.
- (34) *Leblanc C.* Ta Set Neferou. – Pl. CXII. По всей видимости, Исет (в «цветочной короне») также изображена на остраконе № 17006 из Восточного Института Чикаго. См.: *Van Siclen C.C.* A Ramesside Ostrakon of Queen Isis // JNES. – 1974. – № 33. – P. 150–153. – Fig. 1.
- (35) *Leblanc C.* Ta Set Neferou. – Pl. CC.
- (36) Инв. 37.702Е. Диадема, скорее всего, датируется временем XIX династии. – *Wilkinson A.* Ancient Egyptian Jewellery. – Lnd., 1971. – Pl. LIXA.
- (37) Так, см. фаянсовые амулеты в форме нижеегипетской короны: *Ziegler C* (ed.). The Pharaohs. – Lnd., 2002. – P. 399. – Cat. 34; *Loffet C.H.* Collections égyptiennes du Museum Emmanuel Liais de Cherbourg Octeville. – P., 2007. – P. 81. – Cat. 129. Как полагает С. Коллие, нижеегипетская корона-*desheret* делалась из тростника. – *Collier S.* The Crowns of Pharaoh: their Development and Significance in Ancient Egyptian Kingship. PhD Thesis. – Los Angeles, 1996. – P. 17. – Fig. 5.
- (38) *Troy L.* Patterns of Queenship. – P. 121.
- (39) Египетский музей. Каир (JE 37417=CG 42072, *Saleh M., Sourouzian H.* Das Ägyptische Museum Kairo. – Kat. 137.
- (40) *Wiese A., Brodbeck A* (eds.) Toutankhamon. L'or de l'au-delà. – P. 197, 199. – Cat. 33.
- (41) Так, например, считает Л. Трой (*Troy L.* Patterns of Queenship. – P. 121) и К. Гебс (*Goebis K.* «Crowns» / The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt (D.B.Redford ed.). – Oxford, 2001. – P. 325).
- (42) ТС. IV, 286, 37 f–h, n: «Это он сын Осириса, который был зачат в Пе, который был рожден в Хеммисе». Также см.: ТС 313, 91 e–g. – *Carrier C.* Textes des Sarcophages du Moyen Empire Egyptien. – T. I.: spells (1) à (354). – Monaco, 2004.
- (43) *Verhoeven U.* Das Totenbuch des Monthpriesters Nespasefy aus der Zeit Psammetichs I. pKairo JE 95714 + pAlbany 1900.3.1, pKairo JE 95649, pMarseille 91/2/1 (ehem. Slg. Brunner) + pMarseille 291. – Wiesbaden, 1999. – Taf. 50.

- (44) Münster M. Untersuchungen zur Göttin Isis vom Alten Reiche bis zum Ende des Neuen Reiches. – Berlin, 1968. – S. 114–115.
- (45) Lesko S.B. The Great Goddesses of Egypt. The University of Oklahoma Press: Norman, 1999. – P. 75–76.
- (46) Junker H., Winter E. Das Geburtshaus Des Tempels Der Isis in Philä. – Wien, 1965. – S. 12–13 (photo 948), 18–19 (photo 945), 364–365 (photo 1005), 370–371 (photo 1006).
- (47) Инв. 1844. – Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. – М.–Л., 1956. – Таб. XXVIII, 2. – С. 167.
- (48) Изречение 662 «Текстов Пирамид» даже свидетельствует о том, что папирус рос из тела богини: «О, папирус, выходящий из Уаджит, вышел ты как царь N; вышел царь N (так же) как ты». – Sethe K. Die Altaegyptischen Pyramidentexte nach den Papierabdrucken und Photographien der Berliner Museums. – Bd II. – Leipzig, 1910. – S. 457.
- (49) Gardiner A.H. Egyptian Grammar Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. – Oxford, 2001. – 3 ed. – P. 481.
- (50) Также укажем на тот факт, что определителем к топониму «Хеммис» (егип. «*akh-bit*»), являющемуся также эпитетом Иисиды, – «Исида в Хеммисе» – «*Iset m akh-bit*») служит «куст папируса» (знак М 15). – Ranke H. Die Ägyptischen Personennamen Bd. I. – Glückstadt, 1935. – S. 4, n. 3.
- (51) Египетский музей. Каир (JE 95342, Wiese A., Brodbeck A (eds) Toutankhamon. L'or de l'au-delà. – P. 200).
- (52) Гробница Менны ТТ 69. – Davies N.M. Ancient Egyptian Paintings. – Chicago, 1936. Vol. II. – Pl. LIII.
- (53) Гробница Небамона ТТ 90. – Davies N. de G. The Tomb of Two Officials of Thoutmosis the Forth (Nos 75 and 90). – Lnd., 1923. – Pl. XXI; Гробница Паири ТТ 139. – Lilyquist C. The Tomb of Three Foreign Wives of Tuthmosis III. – N. Y.–New Haven–L., 2003. – P. 157. – Fig. 93b.
- (54) Инв. 681501. – Naguib S. –A. Le clergé féminin d'Amon thébain à la 21e dynastie. – Louvain, 1990. – Pl. I. – Fig. 1.
- (55) Это подтверждает сопроводительная надпись, помещенная подле изображений дочерей Менны: «Хвалимая Хатхор, украшение царя, любимая владыкой своим» (*hesit n Hut-Hor khekeret nisut merit nb. sn*), – Davies N. M. Ancient Egyptian Paintings. – Pl. LIII. См. также сцену (буксирование ночной ладьи) в гробнице Херуефа с царевнами, участвующими в церемонии хеб-седа Аменхотепа III (The Tomb of Kheruef. – Pl. 45). С другой стороны, нельзя не заметить, что на изображенных в нижнем регистре той же стены царевнах надеты не «цветочные короны», а высокие цилиндрические модии. На наш взгляд, это – футляры для ароматического конуса или варианты такого же головного убора, как у дочерей Менны, только без стилизованных цветов. Вследствие отсутствия (утраты?) полихромии на головных уборах царевен, которая могла бы подтвердить или опровергнуть нашу интерпретацию, сделать окончательный вывод едва ли возможно. См. также другие сцены с участницами церемоний в головных уборах этого типа. – The Tomb of Kheruef. – Pls 31–32, 57.
- (56) Goebis K. «Crowns» / The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt. – P. 322.
- (57) Desroches Noblecourt C. Interprétation et datation d'une scène gravée sur deux fragments de récipient en albâtre provenant des fouilles du palais d'Ugarit // Ugaritica III. Mission de Ras Shamra. – Vol. 8. – P., 1956. – P. 198.
- (58) Wilkinson A. Ancient Egyptian Jewellery. – Lnd., 1971. – P. 154.
- (59) The Tomb of Kheruef. – Pls. 44–45. Кроме собирательного названия царевен *mesu nisut*, удалось реконструировать (данный участок сильно разрушен) и титулы перед третьей и четвертой парами царевен: «дочь царя, любимая им».

- (60) Как справедливо отмечает Г. Робинс, налобный урей супруг царя мог иметь несколько смысловых значений. – *Robins G. Women in Ancient Egypt*. – Lnd., 1993. – P. 23–24.
- (61) И позднее в Амарнский период, когда фриз из уреев появляется как основа сложносоставной короны Эхнатона (*Goebis K. «Crowns» / The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. – P. 322), и у царей эпохи Рамессидов (Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III). См.: *Collier S. The Crowns of Pharaoh*. – P. 154 *sekhemty* № 2. – P. 157 *sekhemty* № 5. – P. 164 *nms* № 55, *khat* № 5. – P. 165, *seshed* № 28. – P. 169 *nms* № 23. См. также голову колосса Рамсеса II с модием в форме кольца из уреев. Египетский музей. Каир (JE 27745 = CG 636, *Ziegler C (ed.) Queens of Egypt*. – P. 245. – Cat. 33).

**MODIUS AND «THE FLORAL CROWN»
IN THE ICONOGRAPHY OF ROYAL WOMEN
OF THE NEW KINGDOM: INTERPRETATION
OF THE SYMBOLIC MEANING OF HEADGEARS**

V. Bolshakov

Department of History and General Disciplines
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, 117198

The article examines the typology of crowns of Egyptian royal woman of the New Kingdom Period (XVIII–XX dynasties) – the so-called «modius» and the «floral crown». Special attention is paid to the peculiarities of decoration of these crowns and to the interpretation of their possible symbolic significance.

Key words: Iconography, Modius, Platform crown, New Kingdom, Floral crown.